

Художник Глеб Бедарев

Начало

О чём пойдёт речь в этой книжке, я и сама ещё не знаю. Доподлинно известно мне только одно: что она не будет про мальчика с девочкой, которых звали Хампус и Фия.

Фия, по-цыплячьи худенькая девчонка с копной непослушных волос, была дочерью учительницы музыки. Трудно представить себе более нелепое положение, чем быть дочкой учительницы музыки в крохотном посёлке, где умение играть на рояле совершенно бесполезно. Ребята в поселковой школе хватались за животы от смеха при одной мысли об уроках музыки. С таким же успехом, утверждали они, у Фии могли быть вместо мамы щипчики для сахара (кому, скажите на милость, нужны щипчики, если удобнее брать сахар руками?!), или тёрка для пяток (кому придёт в голову натирать себе пятки?), или атласная подушка в затейливых розетках, или, того лучше, ночной колпак. Заменить Фии маму вполне могли бы и книга стихов, и зубочистка, и веер. Все эти предметы, говорили Фиины одноклассники, соперничают с её мамой

по своей никчёмности. Зато спрятать любую из этих вещей было бы куда легче. Если бы у Фии была вместо мамы атласная подушка, её можно было бы затолкать под матрас. Тёрку для пяток можно было бы спрятать в ящик комода, а зубочистку — воткнуть поглубже в цветочный горшок. Но ей досталась мама — учительница музыки, и тут уж ничего нельзя было поделаться. Сверстники звали девочку не иначе, как Диньбомка-Фия-Петтерссон.

«Диньбомок не принимаем!» — кричала ребятня, собираясь играть в классики.

«Тётушка Малин, что живёт у председателя уездного суда, говорит, от твоей мамы никакого толку», — заявляла Брита с косичками.

«А я не хочу другой мамы», — отвечала Фия, и то была истинная правда.

Чего ей хотелось, это чтобы мама вышла замуж за председателя уездного суда или, на худой конец, поступила продавщицей в магазин и наделала бы всех пришедших за покупками детей тянучками по одному эре* — тогда её, Фию, принимали бы играть в классики.

«Тебе пора домой, барабанить на рояле, выскочка несчастная!» — говорила Брита с косичками, и все покатывались со смеху.

* Эре — шведская монета, составляющая одну сотую кроны. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

Фиина мама не раз внушала ей: когда тебя дразнят, лучше всего притвориться, будто не слышишь. Если самой вести себя прилично и не отвечать тем же, обидчики рано или поздно отстанут.

Увы, с Фиинными одноклассниками такой номер не проходил. Не помогало это и против тётушки Малин, которая служила экономкой у председателя уездного суда. Она днями напролёт придиралась к Фииной маме: та, дескать, портит председательское имущество, и от её дочки одно беспокойство, и шишечку с лестничных перил, конечно же, похитили они с Фией.

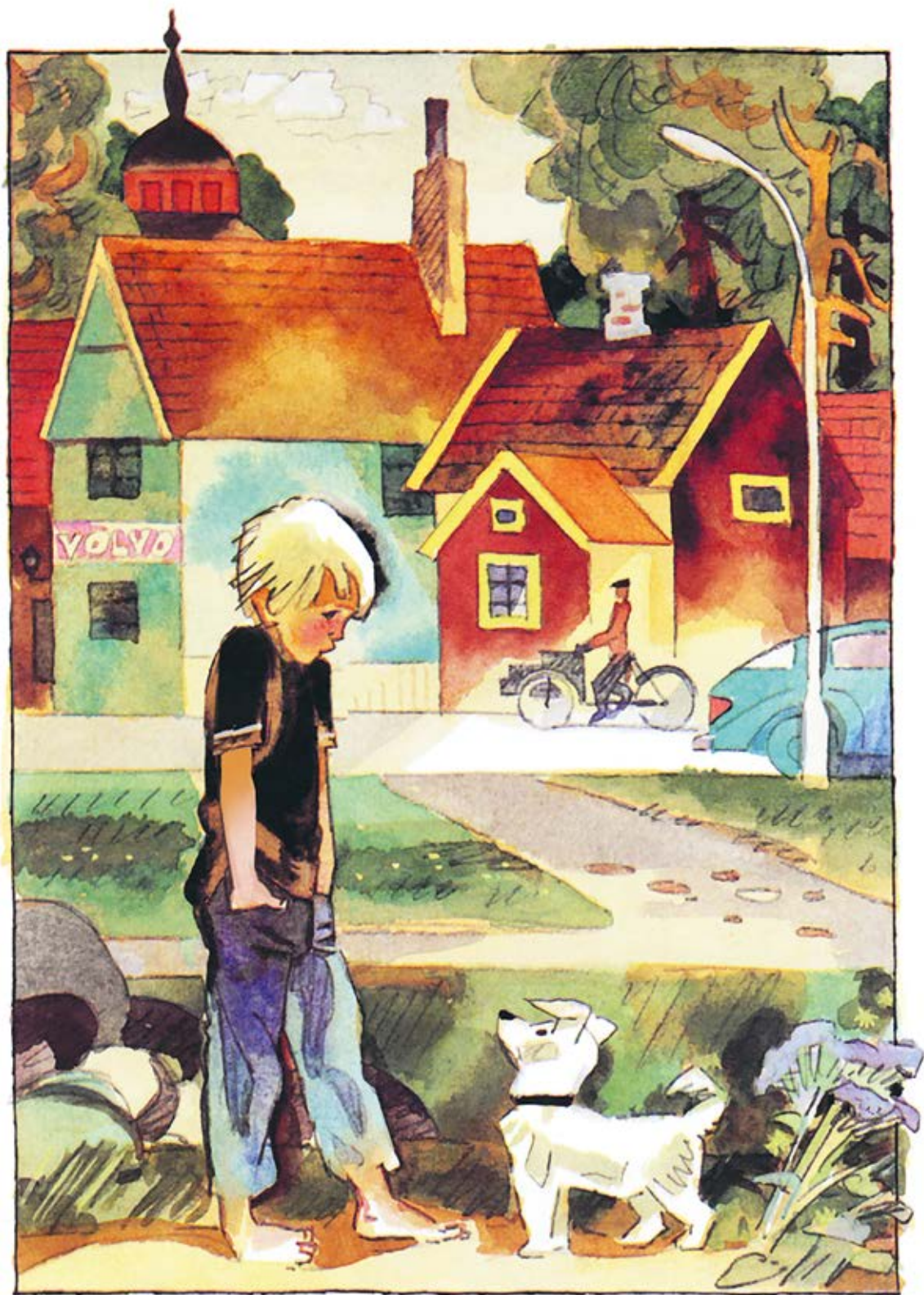
Фия жила во флигеле, в усадьбе председателя уездного суда. Дом у председателя был такой громадный, что, увидев его, немудрено было испугаться. В усадьбу вела калитка, самая красивая на свете, а в саду стояли деревья — высокие, рослые, могучие. Одно из них напоминало тётушку Малин, когда она делала причёску у парикмахерши. Фия однажды взяла её фартук и обвязала дерево вокруг талии, но Фиина мама уговорила её не сердить тётушку Малин — иначе им придётся съезжать с квартиры. Фиин запрещалось ходить в усадьбе по газонам, да и по дорожкам тоже, когда они были убраны граблями (а они бывали убраны всегда), и ещё ей нельзя было стучать мячом об стенку. Ни под каким видом! Зато ей не возбранялось стоять у калитки и выглядывать

на улицу: здесь никто не отваживался дразнить Фию, а с другой стороны, никто не мог обвинить её в том, что она наносит ущерб. Иногда Фия мечтала: как было бы хорошо, если бы она была большой и сильной и могла бы таскать Бриту за косы... Или ещё: была бы она красавицей, как одна девочка в соседнем классе... Но и с красотой Фии не повезло. Сама она была настолько невысокого мнения о своей внешности, что нередко, посмотревшись в зеркало, давала себе кулаком по носу. Вот почему она просто стояла у калитки и глядела на улицу. А об этом, как вы понимаете, книжку не напишешь.

Однако книга наша будет и не про Хампуса. Кстати, он был чуть старше Фии, но так ненамного, что разница в возрасте не заслуживает внимания. Этот самый Хампус жил в семье нового сапожника.

У нового сапожника, который вечно ходил небритый, не хватало большого пальца на одной руке, и по виду никак нельзя было сказать, что он новый. Тем не менее, куда бы он ни приезжал, его везде называли Новым Сапожником, потому что переселялся он примерно раз в полгода и никто не успевал привыкнуть к нему. Вместе с ним переезжали его шестеро детей и, конечно же, Хампус — оставшийся сиротой сапожников племянник.

В каких только краях не побывал Хампус! На востоке и на юге, в городах и посёлках... Эслёв,

Эдесхёг, Нурдингро, Иттербуда... Он жил на старой даче, где с толевой крыши падала дождевая капля, а потом в домишке, куда пробирались по сточной трубе крысы, которые ночью выскакивали из раковины и отправлялись на поиски пищи. Но не всё ли равно, где и как жить, если скоро опять переселяться?

«Я не по своей воле сюда попал, — неизменно отвечал сапожник, когда его жена пробовала жаловаться. — Кончай скулить, не то мы сию минуту съезжаем».

А через несколько месяцев они и впрямь съезжали. Впрочем, Хампус не имел ничего против. Его никогда не тянуло обратно, потому что он везде успевал к отъезду натворить такого, что задерживаться там дольше не стоило. В Нурдингро он, к примеру, отобрал у пасторских детей шапки и закинул их на дерево. Шапок было три: одна зелёная, одна красная и ещё одна с кисточкой. И та, что с кисточкой, застряла на дереве насовсем. В Эслёве он решил изобразить канатоходца на парниковых рамах в саду и, конечно, раздавил несколько стёкол. В Иттербуде ему приспичило спасти глупую кошку, запутавшуюся в сети, отчего сеть, естественно, порвалась. Про Эдесхёг мы лучше вообще умолчим.

«И не уверяй, что ты нечаянно! — говорила в сердцах жена сапожника. — Никакого сладу с мальчишкой, ангелы от тебя плачут!»

«Ну и пускай плачут, если они такие рёвы!» — не оставался в долгу Хампус.

Хампус вёл себя прескверно, у него была привычка в каждом новом месте затевать драку. Он торопился до очередного переезда доказать всем мальчишкам в округе, кто тут самый сильный, но стоило ему добиться некоторого почтения к себе в одном месте, как пора было, поплевав на руки, начинать всё с начала в другом.

Обычно он для разнообразия делал вид, что хочет успеть кое-что ещё: скажем, получить годовую отметку по арифметике или расчистить от камней пространство перед сапожниковым крыльцом. Но ни на то, ни на другое его уже не хватало. Каждый раз повторялась старая история. И рассказывать её было бы скучно. Так что моя книга и не о Хампусе.

Расскажу-ка я лучше про тот день, в который Хампус приехал в Фиин посёлок.

Необыкновенный день

Это был чудесный летний день — с солнечными венцами вокруг кроны каждого дерева и жаром, пышущим от каждой стены. До начала занятий в школе оставалась всего неделя, так что дни были наперечёт. Фия, по обыкновению,

стояла возле председательской калитки и смотрела на мир — как ей казалось, уродина уродиной. Она так и ждала, что кто-нибудь подойдёт и станет дразнить её, но самое смешное, что выглядела она сегодня очаровательно, хотя и не подозревала об этом.

Ближайшее дерево отбрасывало на Фию тень, словно положило ей на голову свою тёмную руку, её перешитое из нижней юбки белое платье напоминало покроем «принцессино платье» (такие широкие внизу и обтягивающие наверху наряды носили только худенькие, изящные королевы из страны Египет), на груди у Фии золотой брошью сверкал солнечный зайчик от ручки председательской калитки. А разглядел всё это незнакомый мальчишка, что появился из дома напротив — того, где жил сапожник. По-хозяйски выйдя на дорогу, мальчишка остановился и поддел ногой кусок валявшегося в пыли конского навоза: надо же дать всяким блюстительницам чистоты повод поужасаться. Потом он извлёк из кармана мраморный шарик и запустил его ввысь, стараясь перекинуть через самую высокую берёзу на сапожниковом участке. Когда шарик скрылся из виду, берёза зашелестела, словно трепеща от страха. Потом мальчик двинулся напрямиком к председательской калитке.

Фия не тронулась с места. Уж если ей должно сегодня достаться, пусть лучше достанется от незнакомца. Всё какое-то разнообразие. К тому же